

ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. ГОСУДАРСТВО

§ 257

Государство есть действительность нравственной идеи — нравственный дух как очевидная, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает. В нравах она имеет свое непосредственное существование, а в самосознании единичного человека, его знании и деятельности — свое опосредованное существование, равно как самосознание единичного человека посредством умонастроения имеет в нем как в своей сущности, цели и продукте своей деятельности свою субстанциальную свободу.

Примечание. Пенаты — это внутренние, низшие боги, народный дух (Афина) есть знающее и валящее себя божественное; пиетет — чувство и действующая в области чувства нравственность; политическая добродетель — воление в себе и для себя сущей мыслимой цели.

§ 258

Государство как действительность субстанциальной воли, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть в себе и для себя разумное. Это субстанциальное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая обязанность состоит в том, чтобы быть членами государства.

Примечание. Если смешивать государство с гражданским обществом и полагать его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то интерес единичных людей как таковых оказывается последней целью, для которой они соединены, а из этого следует также, что в зависимости от своего желания можно быть или не быть членом государства. Однако на самом деле отношение государства к индивиду совсем иное; поскольку оно есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства. Объединение как таковое есть само истинное содержание и цель, и назначение индивидов состоит в том, чтобы вести всеобщую жизнь; их дальнейшее особенное удовлетворение, деятельность, характер поведения имеют своей исходной точкой и результатом это субстанциальное и общезначимое. Разумность, рассматриваемая абстрактно, состоит вообще во взаимопроникающем единстве всеобщности и единичности, а здесь, рассматриваемая конкретно, по своему содержанию, — в единстве объективной свободы, т. е. всеобщей субстанциальной воли, и субъективной свободы как индивидуального знания и ищущей своих особенных целей воли, поэтому она по форме состоит в мыслимом, т. е. в определяющем себя всеобщими законами и основоположениями, действовании. Эта идея в себе и для себя — вечное и необходимое бытие духа. Что же касается того, каково же или каково было историческое происхождение государства вообще, вернее, каждого отдельного государства, его прав и определений, возникло ли оно из патриархальных отношений, из страха или доверия, из корпорации и т. д., как постигалось сознанием и утверждалось в нем то, на чем основа-

ны такие права, как божественное или позитивное право, договор, обычай и т. д., то этот вопрос к самой идее государства не имеет никакого отношения и в качестве явления представляет собой для научного познания, о котором здесь только и идет речь, чисто историческую проблему; что же касается авторитета действительного государства, то поскольку для этого нужны основания, они заимствуются из форм действующего в нем права. Философское рассмотрение занимается только внутренней стороной всего этого, мыслимым понятием. В области выявления этого понятия заслуга Руссо состоит в том, что он определил в качестве принципа государства тот принцип, который не только по своей форме (например, социальный инстинкт, божественный авторитет), но и по своему содержанию есть мысль, а именно само мышление, воля. Однако ввиду того что он понимал волю лишь в определенной форме единичной воли (как впоследствии и Фихте), а всеобщую волю — не как в себе и для себя разумное в воле, а только как общее, возникающее из этой единичной воли как сознательной, то объединение единичных людей в государстве превращается у него в договор, основанием которого служит, таким образом, их произвол, мнение и решительно выраженное по их желанию согласие, а из этого вытекают дальнейшие чисто рассудочные выводы, уничтожающие в себе и для себя сущее божественное, его абсолютный авторитет и величие. Поэтому, обретя власть, эти абстракции, с одной стороны, правда, явили нам впервые за все время существования человеческого рода невероятное зрелище — ниспровержение всего пребывающего и данного, для того чтобы создать конституцию великого действительного государства с самого начала и из мысли, стремясь дать ему в качестве основы лишь мнимо разумное; однако, поскольку, с другой стороны, все это были только лишённые идеи абстракции, они привели эту попытку к ужасающим и вопиющим событиям. В противовес принципу единичной воли следует напомнить об основном понятии, которое заключается в том, что объективная воля есть в себе в своем понятии разумное, вне зависимости от того, познается она или не познается единичным человеком, соответствует или не соответствует она его желанию; напомнить, что противоположное, субъективность свободы, знание и воление, — субъективность свободы, которая одна только утверждается упомянутым принципом Руссо, содержит только один, поэтому односторонний момент идеи разумной воли, которая такова лишь потому, что она есть столько же в себе, как и для себя. Другой противоположностью мысли, согласно которой государство постигается познанием как для себя разумное, является мнение, принимающее внешние черты явления — случайность нужды, потребность в защите, силу, богатство и т. д. — не за моменты исторического развития, а за субстанцию государства. Здесь принципом познания также служит единичность индивидов, однако даже не мысль этой единичности, а, напротив, эмпирические единичности со стороны их случайных свойств — силы и слабости, богатства и бедности и т. д. Подобное допущение, совершенно упускающее из виду бесконечное в себе и для себя и разумное в государстве и изгоняющее мысль из понимания его внутренней природы, нигде не выступало, пожалуй, в столь чистом виде, как в *Restauration der Staatswissenschaft* господина фон Галлера, ибо во всех попытках постигнуть сущность государства, как бы односторонни или поверхностны ни были их принципы, само это намерение постичь государство влечет за собой мысли, всеобщие определения; в данной же работе автор не только сознательно отказывается от разумного содержания, которое есть государство, и от формы мысли, но и со страстным пылом нападает на то и на другое. Далеко распространившимся влиянием своих основоположений, как утверждает г. фон Галлер, его *Restauration* обязана отчасти тому обстоятельству, что в своем изло-

жении он сумел освободиться от всякой мысли и таким образом создать единое целое, не обремененное мыслью, вследствие чего исчезают путаница и помехи, ослабляющие впечатление от изложения, в котором к случайному примешивается напоминание о субстанциальном, к чисто эмпирическому и внешнему — воспоминание о всеобщем и разумном, и тем самым в сфере скудного и бессодержательного напоминает о высшем, бесконечном. Поэтому это изложение также и последовательно, ибо поскольку за сущность государства принимается вместо субстанциальной сфера случайного, то при таком содержании последовательность и состоит в полной непоследовательности бессмысленности, которая движется без оглядки и чувствует себя так же хорошо и в противоположном тому, что оно только что одобряло.

Прибавление. Государство в себе и для себя есть нравственное целое, осуществление свободы, и абсолютная цель разума состоит в том, чтобы свобода действительно была. Государство есть дух, пребывающий в мире и реализующийся в нем сознательно, тогда как в природе он получает действительность только как иное себя, как дремлющий дух. Лишь как наличный в сознании, знающий самого себя в качестве существующего предмета, он есть государство. В свободе надо исходить не из единичности, из единичного самосознания, а лишь из его сущности, ибо эта сущность независимо от того, знает ли человек об этом или нет, реализуется в качестве самостоятельной силы, в которой отдельные индивиды не более чем моменты: государство — это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю. Мысля идею государства, надо иметь в виду не особенные государства, не особенные институты, а идею для себя, этого действительного Бога. Каждое государство, пусть мы даже в соответствии с нашими принципами объявляем его плохим, пусть даже в нем можно познать тот или иной недостаток, тем не менее, особенно если оно принадлежит к числу развитых государств нашего времени, содержит в себе существенные моменты своего существования. Но так как легче выявлять недостатки, чем постигать позитивное, то легко впасть в заблуждение и, занимаясь отдельными сторонами, забыть о внутреннем организме самого государства. Государство — не произведение искусства, оно находится в мире, тем самым в сфере произвола, случайности и заблуждения; дурное поведение может внести искажения в множество его сторон. Однако ведь самый безобразный человек, преступник, больной, калека — все еще живой человек, утвердительное, жизнь существует, несмотря на недостатки, а это утвердительное и представляет здесь интерес.

§ 268

Политическое умонастроение, вообще патриотизм как заключающаяся в истине уверенность (чисто субъективная уверенность не исходит из истины и есть лишь мнение) и ставшее привычкой воление есть лишь результат существующих в государстве учреждений, в котором разумность действительно налична, а также обретает свою деятельность посредством соответствующего этим учреждениям действия. Это умонастроение есть вообще доверие (которое может перейти в более или менее развитое понимание) — сознание, что мой субстанциальный и особенный интерес сохранен и содержится в интересе и цели другого (здесь — государства) как находящегося в отношении ко мне как единичному, вследствие чего этот другой непосредственно не есть для меня другой, и я в этом сознании свободен.

Примечание. Под патриотизмом часто понимают лишь готовность к чрезвычайным жертвам и поступкам. Но по существу он представляет собой умонастроение, которое в обычном состоянии и обычных жизненных условиях привыкло знать государство как субстанциальную основу и цель. Это сознание, сохраняющееся в обычной жизни и при всех обстоятельствах, и есть то, что становится основой для готовности к чрезвычайному напряжению. Но так как люди часто предпочитают быть великодушными, чем правомерными, они легко убеждают себя в том, что обладают этим выдающимся патриотизмом, чтобы избавиться от необходимости ощущать то истинное умонастроение или извинить его отсутствие. Если, далее, это умонастроение рассматривается как то, что может для себя служить началом и проистекать из субъективных представлений и мыслей, то ее смешивают с мнением, так как при таком воззрении она лишается своей истинной основы, объективной реальности.

Прибавление. Необразованные люди находят удовольствие в резонерстве и осуждении, ибо найти достойное осуждения легко, трудно познать хорошее и его внутреннюю необходимость. Начинаящаяся образованность всегда начинает с осуждения, завершенная же образованность видит во всем позитивное. В области религии также нетрудно утверждать — то или иное не более чем суеверие, но бесконечно труднее постигнуть в ней истину. Явленность политического умонастроения надо, следовательно, отличать от того, чего люди действительно хотят, ибо внутренне они хотят, собственно говоря, сути дела, но держатся за частности и находят удовольствие в суетном представлении, что их понимание лучше. Люди уверены в том, что государство должно существовать и что только в нем может осуществляться особенный интерес, но привычка скрывает от нас то, на чем зиждется все наше существование. Когда человек в ночное время спокойно выходит на улицу, ему не приходит в голову, что все могло бы быть иначе, ибо эта привычка к безопасности стала его второй натурой и никто не думает о том, что это лишь результат действия особых учреждений. Представление часто мнит, что государство держится на силе, но на самом деле основой этого является только чувство необходимости порядка, которым обладают все.

§ 270

То обстоятельство, что цель государства есть всеобщий интерес как таковой, а в нем — сохранение особенных интересов, субстанцию которых он составляет, представляет собой его 1) абстрактную действительность или субстанциальность; но она есть 2) его необходимость, поскольку она распадается на понятийные различия его деятельности, которые благодаря этой субстанциальности составляют также действительные прочные определения, власти; 3) но именно эта субстанциальность есть прошедший через форму образования знающий и водящий себя дух. Поэтому государство знает, чего оно хочет, и знает это в его всеобщности, как мыслимое; поэтому оно действует и поступает в соответствии со знаемыми целями, известными основоположениями и законами, которые являются таковыми не только в себе, но и для сознания; а поскольку его действия относятся к наличным обстоятельствам и положениям, оно действует также в соответствии с определенным знанием их.

Примечание. Здесь следует коснуться отношения государства к религии, ибо в новейшее время часто повторяли, что религия — основа государства, и так как это утверждение притязает также на то, будто тем самым наука о государстве исчер-

пана, нет утверждения более способного внести такую путаницу, более того, возвести саму путаницу в ранг государственного устройства, в форму, которую должно иметь познание. Прежде всего подозрительным может показаться, что религию рекомендуют и ищут во времена общественных бедствий, разрушения и гнета, что людей убеждают искать в ней утешения против неправа и надежды на возмещение утраты. Если же, далее, считается, что религия предписывает равнодушие к мирским интересам, к течению и делам действительной жизни, между тем как государство есть дух, который находится в мире, то обращение к религии либо окажется непригодным для того, чтобы возвести интересы и дела государства в существенную серьезную цель, либо поведет к тому, что все, касающееся управления государством, представится делом безразличного произвола — для этого достаточно повести речь о том, будто в государстве господствуют цели страстей, неправовой власти и т. д., — либо подобное обращение к религии направлено на то, чтобы в дальнейшем обрести исключительную значимость и притязать на определение и осуществление правового. Мало того, что можно было бы считать издевательством, если бы на все наше возмущение против тирании ответили, что угнетенный обретает утешение в религии; не следует забывать и о том, что религия может принять форму, следствием которой будет тягчайшее рабство в оковах суеверия и деградация человека ниже уровня животного (как это происходит у египтян и индусов, почитающих животных в качестве высших существ). Это явление может во всяком случае обратить наше внимание на то, что не следует говорить о религии вообще и что противопоставить некоторым ее образам необходимо некую спасительную силу, которая занялась бы правами разума и самосознания. Существенное определение отношения между религией и государством устанавливается лишь в том случае, если вспомнить о ее понятии. Религия имеет своим содержанием абсолютную истину, и тем самым к области религии относятся высшие убеждения. В качестве созерцания, чувства, представляющего познания, имеющего своим предметом Бога как неограниченную основу и причину, от которой все зависит, религия содержит в себе требование, чтобы все постигалось в таком аспекте и находило в нем свое подтверждение, оправдание, достоверность. Государство и законы, а также обязанности получают в рамках этого отношения высшее подтверждение и высшую обязательность для сознания, ибо само государство, законы и обязанности суть в своей действительности некая определенность, которая переходит в высшую сферу как в свою основу (см. Энциклопедия философских наук, § 553). Поэтому в религии содержится такой момент, который при всех изменениях и утрате действительных целей, интересов и достойный дает сознание непреложности, высшей свободы и величайшего удовлетворения. Если, таким образом, религия представляет собой основу, в которой содержится нравственное вообще и, конкретнее, природа государства как божественная воля, то она вместе с тем лишь основа, и здесь пути религии и государства расходятся. Государство есть божественная воля как наличный, развертывающийся в действительный образ и организацию мира дух. Те, кто хотят остановиться на форме религии, противопоставляемой государству, поступают подобно тем, кто полагают, что обладают правом в познании, останавливаясь на сущности и не переходя от этого абстрактного к наличному бытию, или подобно тем, кто (см. выше, § 140, прим.) хотят лишь абстрактного добра, предоставляя произволу определять, что есть добро. Религия есть отношение к абсолютному в форме чувства, представления, веры, и в ее всеобъемлющем центре все выступает лишь как акцидентное, преходящее. Если эту форму сохраняют и в применении к государству, превращая ее и для него в нечто существенно определяющее и значимое, то госу-

дарство в качестве организма, развитого в пребывающие различия, законы и учреждения, обрекается на неустойчивость, неуверенность и разрушение. Вместо того чтобы определяться как пребывающие и значимые, объективное и всеобщее, законы получают определение негативного по отношению к той форме, которая охватывает собой все определенное и тем самым становится чем-то субъективным, а для поведения человека это ведет к такому следствию: для праведного не существует закона, будьте благочестивы, а в остальном можете делать что вам угодно — вы можете отдаться на волю собственного произвола и страсти, а других, право которых вы тем самым нарушаете, отсылать к утешению и упованию, даруемым религией, или, что еще хуже, можете отвергнуть и осудить как не ведающих религии. Однако, поскольку это отрицательное отношение не остается лишь внутренней настроенностью и воззрением, но переносится на действительность и обретает в ней значимость, возникает религиозный фанатизм, который, подобно фанатизму политическому, выступает против всякого государственного устройства и законного порядка как стесняющих внутреннюю жизнь, как не соответствующих бесконечности души, а тем самым и против частной собственности, брака, отношений и занятий гражданского общества и т. д. как недостойных любви и свободы чувства. Однако поскольку в области наличного бытия и действия решения все-таки должны приниматься, то происходит то же самое, что происходит вообще в субъективности воли, знающей себя как абсолютное (§ 140), а именно решения принимаются согласно субъективному представлению, т. е. согласно мнению, желанию и произволу. Истинное же в отличие от этой истины, скрывающейся под субъективностью чувства и представления, есть огромное перемещение внутреннего во внешнее, встроение разума в реальность, над чем трудилась вся всемирная история и благодаря чему образованное человечество обрело действительность и сознание разумного существования, государственных учреждений и законов. От тех, кто ищет Бога и, вместо того чтобы возложить на себя труд поднять свою субъективность до уровня познания истины и знания объективного права и долга, внушает себе в своем не ведающем образованности мнении, что они обладают всем непосредственно,— от этих людей могут исходить лишь разрушение всех нравственных отношений, нелепость и гнусность — неизбежные последствия такой религиозной настроенности, которая настаивает исключительно на своей форме и тем самым обращается против действительности и наличной в форме всеобщего истины законов. Однако религиозная настроенность необязательно должна переходить в свою реализацию, она может, сохраняя свою отрицательную точку зрения, оставаться внутренним чувством, подчиняться учреждениям и законам и довольствоваться покорностью и воздыханиями или презрением и надеждой на иное. Не сила, а слабость придала в наши дни религиозности характер полемического благочестия независимо от того, связано ли оно с подлинной потребностью или просто с неудовлетворенным тщеславием. Вместо того чтобы побороть свое мнение с помощью труда и занятий, а свое воление подчинить дисциплине и возвысить его таким образом до свободного повиновения, самое простое, конечно, отказаться от познания объективной истины, сохранить чувство подавленности, а вместе с тем и самомнение, и в самом благочестии обладать уже всем требуемым для того, чтобы проникнуть в природу законов и государственных учреждений, вынести над ними свой приговор и указать, какими они должны были бы и какими им следовало бы быть; поскольку же все это исходит из благочестивой души, то указания эти непогрешимы и безапелляционны, ибо в том случае, когда намерения и утверждения основаны на религии, возра-

жать против них указанием на их поверхностность или на их неправоту якобы невозможно.

Однако поскольку религия, если она истинна, не направлена отрицательно и полемически против государства, а, напротив, признает и подтверждает его, она имеет для себя свое состояние и выражение. Ее культ состоит в действиях и учении; для этого она нуждается во владениях и собственности, а также в индивидах, посвящающих себя служению общине. Тем самым между государством и церковной общиной возникает некое отношение. Определение этого отношения просто. По логике вещей государство выполняет свою обязанность по отношению к общине, всячески содействуя ей и оказывая ей защиту в осуществлении ее религиозной цели, более того, поскольку религия есть интегрирующий момент глубочайших пластов умонастроения, государство должно требовать от всех своих подданных, чтобы они входили в церковную общину, впрочем в любую, так как содержанием, поскольку оно относится к внутренней стороне представления, государство заниматься не может. Обладающее развитой организацией и вследствие этого сильное государство может быть в этом отношении весьма либеральным, не обращать внимания на единичные проявления, которые его касаются, и даже терпеть в своих пределах такие общины (конечно, в зависимости от количества их членов), которые в силу своих религиозных убеждений не признают даже своих прямых обязанностей по отношению к государству; оно передает членов таких общин ведению гражданского общества, его законам, и довольствуется пассивным опосредованным изменением и заменой выполнения прямых обязанностей по отношению к нему¹. Но поскольку церковная община имеет собственность, совершает культовые действия и держит для этого на службе определенных индивидов, она переходит из своей внутренней области в область мирского, тем самым

¹ О квакерах, анабаптистах и т. д. можно сказать, что они являются только активными членами гражданского общества и в качестве частных лиц находятся лишь в частных сношениях с другими лицами, причем даже в этих отношениях их освободили от принесения присяги; прямые обязанности по отношению к государству они выполняют пассивно, а что касается одной из важнейших обязанностей граждан — защиты государства от врагов, — обязанности, которую они прямо отрицают, допускается выполнение ее посредством замены чем-нибудь другим. По отношению к этим сектам государство проявляет терпимость в подлинном смысле этого слова, ибо, поскольку они не признают своих обязанностей по отношению к нему, они не могут и притязать на то, чтобы быть его членами. Когда однажды на североамериканском конгрессе настойчиво требовали отмены рабства негров, депутат из южных штатов метко возразил на это следующее: «Уступите нам негров, а мы уступим вам квакеров». Лишь вследствие своей силы государство может не обращать внимания на такие аномалии и терпеть их, полагаясь при этом преимущественно на силу нравов и внутреннюю разумность своих учреждений, которые при недостаточно строгом соблюдении государством своих прав уменьшат и преодолению образовавшееся различие между его гражданами. Каково бы ни было формальное право, согласно которому евреям не могли быть предоставлены даже гражданские права, так как они считают себя не просто особой религиозной партией, а принадлежащими к чужому народу, все же поднятый на этом и других основаниях крик игнорировал то, что они прежде всего люди и что это не только плоское, абстрактное качество (§ 209, прим.), но что благодаря предоставленным им гражданским правам у них возникает чувство собственного достоинства, сознание, что они признаны полноправными лицами гражданского общества, а из этого бесконечного, свободного от всего остального корня складывается требуемое выравнивание образа мыслей и умонастроения. Замкнутость, в которой упрекают евреев, скорее сохранилась бы, если бы им отказали в гражданских правах, и это с полным основанием было бы поставлено в вину исключившему их из гражданского общества государству; этот упрек был бы справедлив, ибо тем самым оно отказалось бы от своего принципа, от объективного института и его силы (ср. § 268, прим.). Требование подобного исключения, которое, по мнению высказывавших его, было бы в высшей степени справедливо, оказалось и на практике самым глупым образом действия, — напротив, образ действия правительств оказался мудрым и достойным.

в область государства, а следовательно, непосредственно подпадает под его законы. Присяга, вообще нравственные отношения, такие, например, как отношения в браке, влекут, правда, за собой внутреннее проникновение и возвышение умонастроения, которое благодаря религии получает свое глубочайшее обоснование; но так как нравственные отношения — по существу отношения действительной разумности, то утверждены в них должны быть прежде всего ее права, к которым церковное обоснование присоединяется в качестве только внутренней, более абстрактной стороны. Что касается других проявлений, которые исходят от церковного объединения, то в учении внутренняя сторона в большей степени превосходит внешнюю, чем в культовых действиях и в других, связанных с ними обрядах, где правовая сторона во всяком случае для себя являет себя как дело государства (церкви, правда, присвоили и изъятие своих слуг и своей собственности из-под власти и юрисдикции государства, более того, даже право суда над светскими лицами в делах, на которые, как, например, дела о разводе, дела о присяге и т. д., притязает религия). Полицейская сторона по отношению к подобным действиям, правда, более неопределенна, но это объясняется природой этой сферы и проявляется и по отношению к другим чисто гражданским действиям (см. выше, § 234). Поскольку религиозная общность индивидов возвышается до общины, корпорации, она находится вообще под высшим полицейским надзором государства. Но само учение относится к области совести, к области права субъективной свободы самосознания, — к сфере внутренней жизни, которая в качестве таковой не подчинена государству. Однако и государство имеет учение, ибо его учреждения и вообще значимое для него в вопросах права, государственного устройства и т. д. по существу в качестве закона облечены в форму мысли, а поскольку государство — не механизм, а разумная жизнь самосознающей свободы, система нравственного мира, то умонастроение, а также и осознание его в принципах представляет собой существенный момент в действительном государстве. В свою очередь учение церкви не есть лишь чисто внутреннее дело совести, но в качестве учения представляет собой высказывание, и высказывание о содержании, которое теснейшим образом связано с нравственными принципами и государственными законами или даже непосредственно их касается. Здесь, следовательно, государство и церковь непосредственно сходятся или противостоят друг другу. Церковь может довести различие этих двух сфер до резкого антагонизма, в результате чего она в качестве заключающей в себе абсолютное содержание религии начинает рассматривать духовное вообще, а следовательно, и нравственную сферу как свою область, государство же — как механизм для достижения недуховных внешних целей; себя — как царство Божие или во всяком случае как путь и преддверие к нему, государство же — как мирское царство, т. е. царство преходящего и конечного, тем самым видеть в себе самоцель, в государстве же — только средство. С этим притязанием соединяется затем в области обучения требование, чтобы государство не только предоставило в этой сфере церкви полную свободу, но и относилось бы с безусловным почтением к ее учению, каков бы ни был его характер, ибо это определение является ее безусловной прерогативой. Если церковь приходит к этой претензии на широковещательном основании, что духовная сфера вообще является ее достоянием, а наука и познание также пребывают в этой области и, подобно церкви, развертываются для себя в тотальность своих принципов и поэтому могут с еще большим правом считать, что способны занять место церкви, то наука требует такой же независимости от государства, которое, являясь только средством, должно заботиться о ней как о самоцели. Для этого отношения, впрочем, безразлично, добились ли посвятившие себя службе церковной общине и стоящие во

главе ее индивиду существования вне рамок государства, так что государству подчинены лишь остальные члены, или они вообще остаются внутри государства и считают отделенным от государства лишь одну сторону своего положения — свое церковное назначение. Прежде всего следует заметить, что подобное отношение связано с представлением о государстве, в соответствии с которым его назначением является лишь защита и обеспечение жизни, собственности и произвола каждого, поскольку они не наносят ущерба жизни, собственности и произволу других, и государство рассматривается, таким образом, лишь как учреждение, предотвращающее зло. Стихия высшей духовности в себе и для себя истинного вынесена, таким образом, в качестве субъективной религиозности или теоретической науки за пределы государства, на долю которого в качестве в себе и для себя несведущего в данной области остается лишь выражение почтения, и нравственное в собственном смысле совершенно устраняется из его ведения. Что исторически существовали эпохи и состояния варварства, когда все высшее в духовной сфере сосредоточивалось в церкви, а государство было лишь светским правлением, служившим орудием насилия, произвола и страстей, и вышеуказанная абстрактная противоположность служила главным принципом действительности (§ 359), относится к области истории. Но было бы слишком слепо и поверхностно рассматривать такое положение как истинно соответствующее идее. Развитие этой идеи, напротив, выявило ту истину, что дух в качестве свободного и разумного нравствен в себе и что истинная идея есть действительная разумность, и именно она существует как государство. Далее, из этой идеи вытекает также, что нравственная истина в ней выступает для мыслящего сознания как содержание, разработанное в форме всеобщности, как закон, что государство вообще знает свои цели, познает и проводит их с определенным сознанием и согласно принципам. Как уже было замечено выше, религия имеет своим всеобщим предметом истинное, но имеет его как данное содержание, познанное в своих основных определениях не посредством мышления и понятий; также и отношение индивида к этому предмету есть обязательство, основанное на авторитете, а свидетельство собственного духа и сердца, в чем содержится момент свободы, есть вера и чувство. Именно философское понимание познает, что церковь и государство противоположны друг другу не по содержанию истины и разумности, а по различию формы. Поэтому если церковь переходит к обучению (существовали и существуют церкви, которые ограничиваются культом; другие, в которых он представляет собой главное, а обучение и более образованное сознание — лишь нечто второстепенное) и ее обучение распространяется на объективные основоположения, на мысли о нравственном и разумном, то в этом своем проявлении она непосредственно переходит в область государства. По сравнению с ее верой и ее авторитетом в области нравственного, права, законов, учреждений, по сравнению с ее субъективным убеждением государство выступает как знающее; согласно его принципу, содержание существенно не остается в форме чувства и веры, а принадлежит определенной мысли. Поскольку в себе и для себя сущее содержание являет себя в форме религии как особенное содержание, как особые учения церкви в качестве религиозной общины, они остаются вне области государства (в протестантизме нет духовенства, которое было бы единственным хранителем церковного учения, потому что в нем нет мирян); если нравственные основоположения и государственный порядок вообще распространяются на область религии и не только могут, но и должны быть положены в отношении к ней, то это отношение, с одной стороны, дает самому государству религиозное обоснование, с другой — за ним остается право и форма самосознательной, объективной разумности, право прида-

вать ей значимость и утверждать ее, противопоставляя утверждениям, происходящим из субъективной формы истины, какими бы уверениями и авторитетом она ни подтверждалась. Так как принцип его формы в качестве всеобщего есть существенно мысль, то и оказалось, что от него исходила свобода мышления и науки (тогда как церковь сожгла на костре Джордано Бруно, а Галилея заставила коленапреклоненно молить о прощении за изложение коперниканской гелиоцентрической системы и т. п.). На его стороне и наука поэтому обретает свое место, ибо она обладает тем же элементом формы, что и государство, ее цель — познание, причем познание мыслимой, объективной истины и разумности. Мыслящее познание может, правда, тоже опуститься из сферы науки до мнения и резонерства по основаниям и, обращаясь к нравственным предметам и организации государства, выступить против принципов государства, причем, высказывая такие же притязания, как те, которые церковь предъявляет в отношении своих учений, может рассматривать это мнение как разум и как право субъективного самосознания на свободу в своем мнении и убеждении. Принцип этой субъективности знания рассмотрен нами выше (§ 140, прим.), здесь достаточно заметить, что, с одной стороны, государство может относиться с полнейшим равнодушием к мнению именно потому, что оно только мнение, субъективное содержание, и, следовательно, сколько бы оно ни изощрялось, не имеет в себе подлинной силы и мощи, может относиться к нему с таким же равнодушием, с каким живописцы, пользующиеся на своей палитре тремя основными цветами, относятся к школьной премудрости, требующей применения семи основных цветов. Но с другой стороны, государство должно защищать объективную истину и основоположения нравственной жизни против этого мнения с его дурными принципами, поскольку оно делает себя всеобщим и разъедающим действительность наличным бытием и поскольку помимо этого формализм безусловной субъективности претендует на то, что он пользуется в качестве своего основания научной исходной точкой, и стремится обратить установления государства в области обучения в нечто, подобное притязаниям церкви против него, так же как оно должно выступать против церкви, притязающей на неограниченный авторитет, и в данном случае поддерживать формальное право самосознания на собственное понимание, убеждение и вообще на право прийти посредством мышления к тому, что следует считать объективной истиной.

Можно еще упомянуть о единстве государства и церкви — определение, которое многократно обсуждалось и провозглашалось наивысшим идеалом и в новые времена. Если их существенное единство состоит в единстве истины основоположений и убеждений, то столь же существенно, чтобы вместе с этим единством получило особенное существование и различие в форме их сознания. В восточных деспотиях существует это столь часто желаемое единство церкви и государства — но тем самым там нет государства, нет того самосознательного развертывания в праве, в свободной нравственности и органическом развитии, которое только и достойно духа. Далее, для того чтобы государство достигло наличного бытия как знающая себя, нравственная действительность духа, необходимо различие между ним и формой авторитета и веры; но это различие выступает лишь постольку, поскольку церковная сторона приходит к разделению внутри себя самой; лишь таким образом, возвышаясь над особенными церквами, государство обретает и осуществляет всеобщность мысли, принцип своей формы; и чтобы познать это, надо знать не только, что есть всеобщность в себе, но и что есть ее существование. Поэтому настолько неверно считать, будто разделение церковью представляет или представляло собой несчастье для государства; что лишь в результате

такого разделения государство могло стать тем, что составляет его определение,— самостоятельной разумностью и нравственностью. Это разделение было также наиболее благоприятным из всего, что могло произойти для собственной свободы и разумности церкви и для свободы и разумности мысли.

Прибавление. Государство действительно, и его действительность заключается в том, что интерес целого реализуется, распадаясь на особенные цели. Действительность всегда есть единство всеобщности и особенности, разложенность всеобщности на особенности, которые представляются самостоятельными, хотя они носимы и хранимы лишь внутри целого. Если этого единства нет в наличии, нечто не действительно, хотя бы и можно было принять, что оно существует. Дурное государство — такое, которое лишь существует, большое тело тоже существует, но не имеет подлинной реальности. Отсеченная рука еще выглядит как рука и существует, но она не действительна; подлинная действительность есть необходимость: то, что действительно, необходимо внутри себя. Необходимость состоит в том, что целое разделено на понятийные различия и что это разделенное представляет собой прочную и сохраняющуюся определенность, которая не мертвенно прочна, а постоянно порождает себя в распаде. Существенной принадлежностью заверченного государства является сознание, мышление; поэтому государство знает, чего оно хочет, и знает это как мысленное. Так как знание имеет свое местопребывание в государстве, то наука также имеет его здесь, а не в церкви. Несмотря на это, в новейшее время постоянно говорят о том, что государство должно возникать из религии. Государство есть развитый дух и выдвигает свои моменты при свете сознания: благодаря тому, что то, что заключено в идее, выступает во-вне, в предметность, государство являет себя как конечное, как область мирского, между тем как религия являет себя как область бесконечного. Поэтому государство кажется подчиненным, а так как конечное не может существовать для себя, то оно нуждается, как утверждают, в церкви как базисе. Как конечное оно якобы не имеет оправдания и лишь посредством религии становится священным и принадлежащим бесконечному. Однако этот способ рассмотрения в высшей степени односторонен. Государство в самом деле по существу носит мирской и конечный характер, имеет особенные цели и особенные органы власти, но то, что государство носит мирской характер,— лишь одна сторона, и лишь для бездуховного размышления государство только конечно. Ибо государство обладает животворящей душой, и это одушевляющее есть субъективность, которая создает различия, но вместе с тем и удерживает их в единстве. В царстве религии также есть различия и конечности. Бог, гласит религиозное учение, триедин; следовательно, здесь три определения, лишь единство которых есть дух. Поэтому если мы постигаем природу Бога конкретно, то это происходит также лишь посредством различий. В царстве Божиим, следовательно, так же как и в мирском, встречаются конечности, и то, что мирской дух, т. е. государство, только конечен — одностороннее воззрение, ибо действительность не имеет в себе ничего неразумного. Дурное государство, впрочем, является лишь мирским и конечным, но разумное государство бесконечно внутри себя. Говорят также, что государство должно черпать свое оправдание в религии. Идея в религии есть дух во внутренней глубине души, но та же идея сообщает себе в государстве мирской характер и доставляет себе в знании и волеи наличное бытие и действительность. Если же говорят, что государство должно основываться на религии, то это может означать, что оно должно зиждиться на разумности и исходить из нее. Однако это можно превратно понимать и так, что люди, чей дух связан несвободной религией, тем самым наиболее

пригодны к повиновению. Но христианская религия есть религия свободы. Она может, правда, также обернуться таким образом, что свободная религия превратится в несвободную, будучи связана с суеверием. Если полагают, что индивиды должны обладать религией, чтобы их связанный дух можно было бы тем легче подавлять в государстве, то это дурной смысл положения; если же полагают, что люди должны питать уважение к государству, к этому целому, разветвлением которого они являются, то это, разумеется, лучше всего достигается посредством философского понимания сущности государства; но за недостатком такового к этому же может привести и религиозное убеждение. Таким образом, государство может нуждаться в религии и вере. Но существенное отличие государства от религии сохраняется и состоит в том, что его требования носят характер правовой обязанности и что душевное состояние, при котором это требование будет выполнено, ему безразлично. Сферой религии, напротив, является внутренняя настроенность, и подобно тому как государство, предъявляя свои требования в религиозном духе, нанесло бы ущерб праву внутренней жизни, так и церковь, действующая подобно государству и налагающая наказания, вырождается в тираническую религию. Третье различие, связанное с предыдущими, состоит в том, что содержание религии есть и остается тайной, и его почвой тем самым являются душа, чувства и представления. На этой почве все имеет форму субъективности; государство, напротив, осуществляет себя и придает своим определениям прочное наличное бытие. Если бы религия захотела утверждать себя в государстве так, как она привыкла к этому на своей почве, то она опрокинула бы организацию государства, ибо в государстве различия обладают широтой внеположенности; в религии, напротив, все всегда соотнесено с тотальностью. Если бы эта тотальность вознамерилась завладеть всеми отношениями государства, то она была бы фанатизмом; она хотела бы в каждом особенном обладать целым и могла бы достигнуть этого только посредством разрушения особенного, ибо фанатизм состоит именно в том, чтобы не допускать особенных различий. Когда говорят: «для благочестивого нет закона», то это не что иное, как выражение фанатизма. Ибо там, где благочестие заступает место государства, оно не может выносить определенного и разрушает его. С этим связано также, что благочестие предоставляет решение совести внутреннему чувству и не определяется. Эта внутренняя жизнь не развивается, достигая оснований, и не отдает себе отчета в своих решениях. Следовательно, признав благочестие действительностью государства, мы выбросили бы все законы за борт, и законодателем стало бы субъективное чувство. Это чувство может быть голым произволом, и таково ли оно в самом деле, может быть познано лишь по поступкам; однако, поскольку они становятся поступками, велениями, они принимают форму законов, что именно и противоречит названному субъективному чувству. Бога, предмет этого чувства, также можно было бы сделать определяющим, но Бог есть всеобщая идея, а в этом чувстве он — неопределенное, не созревшее для того, чтобы определять то, что в государстве налично как развитое. Именно то обстоятельство, что в государстве все прочно и обеспечено, представляет собой оплот против произвола и позитивного мнения. Религия как таковая не должна, следовательно, быть правящей.

§ 279

2. Суверенитет, представляющий собой сначала только всеобщую мысль этой идеальности, существует только как уверенная в самой себе субъективность и как абстрактное и тем самым не имеющее основания самоопределение воли, от кото-

рого зависит окончательное решение. Это — индивидуальное в государстве как таковое, и само государство лишь в этом индивидуальном есть одно. Но субъективность в своей истине есть только в качестве субъекта, личность — только в качестве лица, и в достигшем реальной разумности государственном строе каждый из трех моментов понятия обладает своим, для себя действительным, выделившимся образом. Поэтому таким абсолютно решающим моментом целого является не индивидуальность вообще, а индивид, монарх.

Примечание. Имманентное развитие науки, выведение всего ее содержания из простого понятия (в противном случае наука во всяком случае не заслуживает названия науки философской), обнаруживает то своеобразие, что одно и то же понятие, здесь это — воля, которое сначала, поскольку начало, абстрактно, сохраняется, но уплотняет, причем также посредством самого себя, свои определения и таким образом обретает конкретное содержание. Так, основной момент личности, вначале в непосредственном право абстрактной, момент, который развил себя, проходя через различные формы субъективности, и здесь, в абсолютном нраве, в государстве, в полностью конкретной объективности воли, есть личность государства, его уверенность в самом себе — это последнее, что снимает в простой самости все особенности, пресекает взвешивание оснований и противооснований, между которыми возможно постоянное колебание в ту и другую сторону, завершает их посредством я хочу и начинает всякое действие и Действительность. Но личность и субъективность вообще в качестве бесконечного, соотносящего себя с собой, обладает, далее, истиной, причем своей ближайшей, непосредственной истиной, как лицо, для себя сущий субъект, а Для себя сущее есть также просто одно. Личность государства действительна только как лицо, как монарх. Личность служит выражением понятия как такового, лицо содержит одновременно его действительность, и лишь с этим определением понятие есть идея, истина. Так называемое моральное лицо, общество, община, семья, как бы конкретно оно ни было, обладает личностью лишь как моментом, абстрактно; она не достигает в нем истины своего существования, государство же есть именно та тотальность, в которой моменты понятия достигают действительности в соответствии со своей истиной. Все эти определения как для себя, так и в их образованиях рассматривались уже на протяжении всего этого исследования; здесь мы их повторяем потому, что хотя их с легкостью допускают в их особенных образованиях, но не узнают и не постигают именно там, где они встречаются в своем истинном положении, не обособленно, а согласно их истине, как моменты идеи. Понятие монарха — самое трудное понятие для рассуждения, т. е. для рефлектирующего рассудочного рассмотрения, потому что оно останавливается на обособленных определениях и вследствие этого знает лишь основания, конечные точки зрения и выведение из оснований. Тем самым оно представляет достоинство монарха как нечто выведенное не только по форме, но и по своему определению; между тем его понятие, наоборот, состоит в том, что оно не выведено, а полностью начинающееся из себя. Ближе всего к этому представлению, согласно которому право монарха основано на божественном авторитете, ибо в этом представлении содержится мысль о его безусловности. Однако известно, какие недоразумения возникли в связи с этим представлением, и задача философского рассмотрения состоит в том, чтобы постичь в понятиях это божественное.

О народном суверенитете можно говорить в том смысле, что народ вообще является по отношению к внешнему миру самостоятельным и составляет собственное

государство, как, например, народ Великобритании, но народы Англии, Шотландии, Ирландии или Венеции, Генуи, Цейлона и т. д. уже перестали быть суверенными с тех пор, как у них не стало собственных государей или верховных правительств. Можно также говорить и о внутреннем суверенитете, принадлежащем народу, если вообще говорить о целом, совершенно так же, как выше (§ 277, 278) было показано, что государству присущ суверенитет. Но в новейшее время о народном суверенитете обычно стали говорить как о противоположном существующему в монархе суверенитете,— в таком противопоставлении представление о народном суверенитете принадлежит к разряду тех путаных мыслей, в основе которых лежит пустое представление о народе. Народ, взятый без своего монарха и необходимо и непосредственно связанного именно с ним расчленения целого, есть бесформенная масса, которая уже не есть государство и не обладает больше ни одним из определений, наличных только в сформированном внутри себя целом, не обладает суверенитетом, правительством, судами, начальством, сословиями и чем бы то ни было. В силу того что в народе выступают такие относящиеся к организации государственной жизни моменты, он перестает быть той неопределенной абстракцией, которую только в общем представлении называют народом. Если под народным суверенитетом подразумевают форму республики и, еще более определенно, демократии (ибо под республикой понимают и прочие разнообразные эмпирические смешения, которые вообще не относятся к философскому рассмотрению), то об этом частью необходимое было сказано выше (§ 273, прим.), частью же при рассмотрении развитой идеи о таком представлении вообще не может быть речи. В народе, который мы не представляем себе ни как патриархальное племя, ни как пребывающий в неразвитом состоянии, в котором возможны формы демократии или аристократии (см. примечание в том же параграфе), ни в каком-либо ином произвольном и неорганическом состоянии, а мыслим как внутри себя развитую, истинно органическую тотальность, суверенитет выступает как личность целого, а она в соответствующей ее понятию реальности выступает как лицо монарха.

На рассмотренной выше ступени, на которой было проведено деление государственного устройства на демократию, аристократию и монархию, на стадии еще остающегося в себе субстанциального единства, которое еще не достигло своего бесконечного различения и углубления в себя, момент последнего, самого себя определяющего волевого решения не выступает как имманентный органический момент государства для себя в свойственной ему действительности. Впрочем, и в этих не достигших полного развития образованиях государства всегда должна быть в наличии индивидуальная вершина либо, как в монархиях, для себя, либо, как в аристократиях и в особенности в демократиях, в лице государственных деятелей, полководцев, поднявшихся случайно и сообразно вызываемым обстоятельствами времени особым потребностям, ибо всякое действие и всякая действительность имеют свое начало и осуществление в решающем единстве вождя. Но замкнутая в остающемся прочным соединении властей, такая субъективность решения должна отчасти быть случайной по своему возникновению и появлению, отчасти вообще пребывать подчиненной; поэтому только по ту сторону подобных обусловленных вершин могло находиться чистое, свободное от всяких примесей решение, извне определяющий фатум. В качестве момента идеи оно должно было вступать в существование, но как коренящееся вне человеческой свободы и ее сферы, охватываемой государством. Здесь берет свое начало потребность обращаться за последним решением по поводу великих событий и важных моментов в

жизни государства к оракулам, даймонию (у Сократа), искать ответ во внутренностях животных, в корме и полете птиц; это решение искали люди, которые еще не постигли глубины самосознания и, перейдя от прочности субстанциального единства к этому для себя бытию, не обладали достаточной силой, чтобы видеть это решение внутри человеческого бытия. В даймонии Сократа (ср. выше, § 138) мы можем видеть начало того, как помещавшая себя лишь по ту сторону себя самой воля перемещается в себя и познает себя внутри себя, — начало знающей себя и тем самым истинной свободы. Так как эта реальная свобода идеи и состоит в том, чтобы каждому из моментов разумности дать его собственную, наличную, самосознательную действительность, именно она и наделяет функцию сознания последней, самоопределяющей уверенностью, которая составляет вершину в понятии воли. Но это последнее самоопределение может лишь постольку входить в сферу человеческой свободы, поскольку оно занимает положение для себя обособленной, возвышающейся над всякими обособлениями и условиями вершины, ибо только таким образом оно действительно в соответствии со своим понятием.

Прибавление. При рассмотрении организации государства, т. е. здесь — при рассмотрении конституционной монархии, не нужно принимать в соображение ничего другого, кроме необходимости идеи внутри себя: все остальные точки зрения должны исчезнуть. Государство должно быть рассмотрено как великое архитектурное строение, как иероглиф разума, выражающий себя в действительности. Следовательно, все то, что относится лишь к соображениям пользы, внешне и т. д., следует исключить из философского рассмотрения. То, что государство есть последняя, саму себя определяющая и полностью суверенная воля, последнее принятие решения, наше представление воспринимает легко. Труднее постигнуть это я хочу как лицо. Этим мы не хотим сказать, что монарху дозволено действовать произвольно; напротив, он связан конкретным содержанием совещаний, и если конституция действительна, то ему часто остается лишь поставить свое имя. Но это имя важно; это — вершина, за пределы которой нельзя выйти. Можно было бы сказать, что органическое расчленение существовало уже в прекрасной афинской демократии, но мы тотчас же убеждаемся, что греки черпали последней решение из совершенно внешних явлений — из вещаний оракулов, из внутренностей жертвенных животных, полета птиц и что они относились к природе как к силе, которая возвещает и высказывает, что идет людям на благо. В то время самосознание еще не достигло абстракции субъективности, понимания того, что человек сам должен высказать в своем «я хочу» то, на что следует решиться. Это «я хочу» образует громадное различие между древним и современным миром, и поэтому оно должно иметь в великом здании государства свое особое существование. К сожалению, это определение считается лишь внешним и произвольным.

§ 280

3. Эта последняя самость государственной воли проста в этой своей абстрактности, и поэтому она есть непосредственная единичность; в самом ее определении заключается тем самым определение природности; поэтому монарх предназначен к достоинству монарха существенно как этот индивид, абстрагированно от всякого другого содержания, причем как этот индивид непосредственно природным образом, благодаря физическому рождению.

Примечание. Этот переход от понятия чистого самоопределения к непосредственности бытия и тем самым в природность носит чисто спекулятивный характер,

поэтому познание его относится к логической философии. Впрочем, в целом это — тот же переход, который вообще известен как природа воли и представляет собой процесс перемещения содержания из субъективности (как представляемой цели) в наличное бытие (§ 8). Но своеобразная форма идеи и рассматриваемого здесь перехода состоит в непосредственном обращении чистого самоопределения воли (самого простого понятия) в некое это и природное наличное бытие без опосредования особенным содержанием (целью в действовании). В так называемом онтологическом доказательстве бытия Бога именно это обращение абсолютного понятия в бытие явило глубину идеи в новое время; однако в новейшее время это было объявлено непонятным, а так как лишь единство понятия и наличного бытия (§ 23) есть истина, это привело к отказу от познания истины. Поскольку рассудочное сознание не имеет в себе этого единства и останавливается на разделении этих двух моментов истины, оно еще допускает в этом предмете веру в такое единство. Однако так как представление о монархе рассматривается как всецело входящее в область обыденного сознания, то рассудок тем более останавливается на своем разделении и на вытекающих отсюда выводах его резонирующей рассудительности, отрицая, что момент последнего решения в государстве в себе и для себя (т. е. в понятии разума) связан с непосредственной природностью, из чего в первую очередь делают вывод о случайности этой связи, а так как при этом утверждают, что разумное есть абсолютное различие этих моментов, то затем делают вывод о неразумности подобной связи, так что к этому присоединяются другие следствия, рассматривающие идею государства.

Прибавление. Если против власти монарха часто возражают, что из-за него ход государственных дел зависит от случайности, так как монарх может быть недостаточно образованным, может оказаться недостойным стоять во главе государства, и что существование такого состояния в качестве разумного бессмысленно, то здесь неправильна прежде всего сама предпосылка, будто в данном случае имеет значение особенность характера. При совершенной организации государства все дело только в наличии вершины формального решения; монарх должен быть лишь человеком, который говорит «да» и ставит точку над *i*, ибо вершина должна быть такова, чтобы особенность характера не имела значения. Все то, что присуще монарху, помимо этого последнего решения, есть нечто частное, чему не следует придавать значения. Могут быть, конечно, такие состояния государства, при которых выступают только эти частные особенности, однако это означает, что государство еще не вполне развито или недостаточно хорошо конструировано. В благоустроенной монархии объективная сторона принадлежит только закону, к которому монарху надлежит добавить лишь субъективное «я хочу».

§ 281

Оба момента в их нераздельном единстве, последняя, не имеющая основания самость воли и вместе с тем столь же не имеющее основания существование как предоставленное природе определение,— эта идея того, что не подвержено произволу, составляет величие монарха. В этом единстве заключено действительное единство государства, которое лишь благодаря этой своей внутренней и внешней непосредственности избавлено от возможности быть втянутым в сферу особенности, ее произвола, целей и воззрений, в борьбу клик за трон и от ослабления и разрушения государственной власти.

Примечание. Право рождения и наследования составляет основание легитимности как основание не только чисто позитивного права, но и в идее. То обстоятельство, что благодаря твердо установленному порядку престолонаследия, т. е. благодаря естественной преемственности, при освобождении трона предотвращаются притязания клик, есть одна сторона, которая с полным основанием рассматривалась как довод в пользу наследственности престола. Однако эта сторона — лишь следствие, и, превращенная в основание, она низводит величие государя до сферы рассуждения и в качестве обоснования придает этому величию, характер которого составляет эта не имеющая основания непосредственность и это последнее в себе бытие, не имманентную идею государства, а нечто вне его, нечто вроде блага государства или народа. Из такого определения можно, правда, посредством *medios terminos* вывести наследственность; но оно допускает и другие *medios terminos*, а тем самым и другие выводы, а какие выводы делались из этого блага народа (*salut du peuple*), достаточно хорошо известно. Поэтому только философии дозволено мысленно рассматривать это величие, ибо любой другой способ исследования, кроме спекулятивного, бесконечной, в себе самой основанной идеи сам по себе уничтожает природу величия. Выборность монарха легко может показаться наиболее естественным представлением, т. е. она ближе всего к поверхностности мышления; поскольку монарху надлежит заботиться о делах и интересах народа, то народу и следует сделать выбор, кому он поручит заботу о своем благе, и только из этого решения народа возникает право на правление государством. Это воззрение, подобно представлению о монархе как о высшем государственном чиновнике, о договорном отношении между ним и народом и т. д., исходит из воли как желания, мнения и произвола многих — из определения, которое, как давно уже рассматривалось, считается в гражданском обществе первым или, вернее, хочет быть признано первым, однако оно не есть ни принцип семьи, ни тем более принцип государства и вообще противостоит идее нравственности. Что избирательная монархия представляет собой едва ли не худшее из институтов, явствует уже для рассудочного представления из следствий, которые, впрочем, представляются ему чем-то лишь возможным и вероятным, в действительности же они свойственны сущности этого института. Вследствие того что частная воля становится в ней последней решающей инстанцией, государственный строй превращается в избирательной монархии в избирательную капитуляцию, т. е. в институт, при котором государственная власть отдается на милость частной воли, что ведет к преобразованию особенных государственных властей в частную собственность, к ослаблению государства и утрате им суверенитета и к его внутреннему распаду и внешнему разрушению.

Прибавление. Если мы хотим постигнуть идею монарха, то нельзя довольствоваться утверждением, что Бог поставил государей на царство, ибо Бог сделал все, в том числе и наихудшее. Ненамного мы продвинемся и в том случае, если будем исходить из точки зрения пользы, так как все время будут обнаруживаться недостатки. Мало поможет нам и попытка рассматривать власть монарха как позитивное право. То, что у меня есть собственность, необходимо, но это особенное владение случайно; таким явит себя и право стоять во главе государства, если рассматривать его как абстрактное и позитивное. Однако в качестве ощущаемой потребности и в качестве объективной потребности дела это право налично в себе и для себя. Монархи не выделяются ни физической силой, ни силой духа, и все-таки миллионы людей позволяют им господствовать над собой. Если же говорят, что люди позволяют государям править и подчиняются им вопреки своим интересам,

целям, намерениям, то это нелепо, ибо люди не так глупы: их потребность, внутренняя сила идеи принуждает их к этому повиновению и удерживает их в нем как будто даже вопреки их кажущемуся сознанию. Если монарх выступает как вершина и часть государственного строя, то следует указать, что завоеванный народ не тождествен в государственном строе государю. Если в завоеванной в результате военных действий провинции происходит восстание, то это нечто совсем иное, чем мятеж в хорошо организованном государстве. Завоеванные люди восстают не против своего государя, они не совершают государственного преступления, ибо они не находятся со своим властелином во взаимосвязи идеи, во внутренней необходимости государственного устройства; здесь налицо только контракт, а не государственный союз. «Je ne suis pas votre prince, je suis votre maître», — ответил Наполеон эрфуртским депутатам.

§ 294

От индивида, связанного суверенным актом (§ 292) с официальной должностью, требуется, чтобы он выполнял свою обязанность, субстанциальное в его отношении, в качестве условия этой связи: как следствие этого субстанциального отношения он обретает имущество, обеспеченное удовлетворение своей особенности (§ 264) и освобождение своего внешнего положения и служебной деятельности от всякой субъективной зависимости и влияния.

Примечание. Государство не рассчитывает на службу, связанную с произволом и прихотями (как, например, правосудие, отправлявшееся странствующими рыцарями), именно потому, что такая служба произвольна и зависит от минутного настроения, а также и потому, что она совершается в соответствии с субъективными воззрениями и в зависимости от настроения может вообще не совершаться и заменяться осуществлением субъективных целей. Другой крайностью, противоположной деятельности странствующего рыцаря, может считаться в отношении к государственной службе деятельность слуги государства, связанного со своей должностью только по необходимости и не имеющего ни подлинных обязанностей, ни прав. Государственная служба требует жертвования самостоятельным и случайным удовлетворением субъективных целей и именно этим дает право находить такое удовлетворение в сообразном долгу выполнении служебных обязанностей, и только в нем. В этом заключается, с этой стороны, связь между всеобщим и особенным интересом, которая составляет понятие и внутреннюю прочность государства (§ 260). Должностное отношение не есть и договорное отношение (§ 75), хотя здесь и налицо двойное согласие и выполнение обязательств с обеих сторон. Лицо, назначенное на должность, призвано не для отдельных случайных действий по службе, подобно мандатарю, но связывает с этим отношением основной интерес своего духовного и особенного существования. То, что оно должно совершить и что ему доверено, не есть также внешнее по своему качеству, лишь особенное дело; ценность его в качестве внутреннего отлична от его внешних черт и еще не терпит ущерба при несовершении стипулированного (§ 77). Однако то, что обязан выполнять государственный служащий, есть, как оно непосредственно есть, ценность в себе и для себя. Нарушение права посредством невыполнения обязанностей или нанесения позитивного ущерба (действия, несовместимые со службой, а то и другое таковы) есть поэтому нанесение ущерба самому всеобщему содержанию (ср. «негативное бесконечное суждение», § 95), а следовательно, проступок или даже преступление. Посредством обеспеченного удовлетворения особенной потребности устраняется внешняя нужда, которая

могла бы заставить искать средства для такого удовлетворения с помощью способов, не соответствующих служебной деятельности и долгу. Во всеобщей государственной власти те, кто уполномочен заниматься государственными делами, находят защиту от другой субъективной стороны, от частных страстей управляемых, чьи частные интересы и т. д. нарушаются утверждением значимости противостоящего им всеобщего.

§ 295

Обеспечение государства и тех, кто находится под его управлением, от злоупотреблений властью ведомствами и их чиновниками заключается, с одной стороны, непосредственно в их иерархии и ответственности, с другой — в правах общин, корпораций, посредством чего привнесению субъективного произвола в доверенную чиновникам власть ставится для себя препятствие, и недостаточный в отдельных случаях контроль сверху дополняется контролем снизу.

Примечание. В поведении и культуре чиновников находится та точка, где законы и решения правительства затрагивают единичность и проявляют свою силу в действительности. Это, следовательно, то, от чего зависит довольство граждан и их доверие к правительству, а также и осуществление или, напротив, слабое выполнение и срыв правительственных намерений; вызвано это тем, что характер и способ выполнения легко могут быть восприняты чувством и умонастроением как соответствующие содержанию того, что должно было быть исполнено, а это уже само по себе может быть обременительным. Непосредственный и личный характер этого отношения является причиной того, что контроль сверху с этой стороны менее полно достигает своей цели, которая к тому же наталкивается на общность интересов чиновников в качестве объединившегося против подчиненных и против начальства сословия; устранение этого препятствия, особенно при недостаточно совершенных учреждениях, требует вмешательства высшего суверенитета и оправдывает его (таким было, например, вмешательство Фридриха II в пресловутом деле Мюллера — Арнольда).

§ 296

Но превращение бесстрастности, справедливости и мягкости в обращении в обычай связано отчасти с непосредственной нравственной и умственной культурой, которая духовно уравнивает элемент механического и тому подобного, содержащийся в изучении так называемых наук о предметах этих сфер, в требуемой привычке к ведению дел, в действительной работе и т. д.; отчасти же важным моментом является величина государства, в зависимости от которой может уменьшиться значение семейных и других частных связей и потерять свою силу и остроту чувство мести, ненависти и подобные им страсти. В занятиях, связанных в большом государстве с крупными интересами, эти субъективные стороны сами собой отмирают, и создается привычка исходить из всеобщих интересов, воззрений и дел.

§ 297

Члены правительства и государственные чиновники составляют основную часть среднего сословия, которое характеризует развитый интеллект и правовое сознание народной массы. Чтобы это сословие не заняло изолированного положения

аристократии и образованность и умение не превратились бы в средство производства и господства, его контролируют учреждения суверенной власти сверху и права корпораций снизу.

Примечание. В былые времена отправление правосудия, объект которого представляет особый интерес для всех индивидов, превратилось в орудие наживы и господства вследствие того, что знание права стало недоступным из-за тумана учености, а также чужого языка, а знание судопроизводства было окутано сложным формализмом.

Прибавление. Среднее сословие, к которому принадлежат государственные чиновники, представляет собой средоточие государственного сознания и выдающейся образованности. Поэтому оно и является главной опорой государства в отношении законности и интеллигентности. Государство, в котором нет среднего сословия, еще стоит поэтому не на высокой ступени. Такова, например, Россия, в которой есть крепостная масса и та, которая правит. Образование среднего сословия является главным интересом государства, но образоваться это сословие может только в такой организации, как та, которую мы описали выше, а именно там, где существуют права относительно независимых особенных кругов и где произвол чиновного мира предотвращается сопротивлением подобных правомочных кругов. Действование согласно всеобщему праву и привычка к такому действанию — следствие противоположности, которую образуют эти для себя самостоятельные круги.

§ 303

Всеобщее сословие или, точнее, сословие, посвящающее себя служению правительству, содержит непосредственно в своем определении, что цель его существенной деятельности есть всеобщее; в сословном элементе законодательной власти частное сословие достигает политического значения и действительности. Это частное сословие не может при этом являться ни как просто неразличенная масса, ни как распавшееся на свои атомы множество, а лишь тем, что оно уже есть, а именно различенным на сословие, основывающееся на субстанциальном отношении, и на сословие, основывающееся на особенных потребностях и опосредующем их труде (§ 201 и след.). Лишь таким образом действительное в государстве особенное истинно связывается в этом аспекте со всеобщим.

Примечание. Это противоречит другому ходячему представлению, будто частное сословие, возвышенное до участия во всеобщем деле, должно выступать в рамках законодательной власти в форме единичных лиц, то ли выбирая своих представителей для выполнения этих функций, то ли отдавая свой собственный голос. Это атомистичное, абстрактное воззрение исчезает уже в семье, а также в гражданском обществе, где единичный человек являет себя только как член всеобщего. Государство же есть существенно организация таких членов, которые для себя суть круги, и в нем ни один момент не должен выступать как неорганическое множество. Многие в качестве единичных лиц, что охотно понимают под словом «народ», суть, правда, некая совместность, но только как множество, как бесформенная масса, движение и действия которой именно поэтому были бы лишь стихийны, неразумны, дики и ужасны. Каждый раз, когда еще приходится слышать в связи с государственным строем о народе, об этом неорганическом скоплении людей, уже заранее можно знать, что предстоит услышать лишь общие места и

нелепые декламации. Представление, которое вновь разлагает на множество индивидов уже существующие в виде упомянутых кругов общности на той стадии, когда они вступают в область политики, т. е. обретают точку зрения высшей конкретной всеобщности,— это представление разделяет тем самым гражданскую и политическую жизнь и заставляет последнюю, так сказать, повисать в воздухе, ибо ее базисом оказывается, согласно этому воззрению, только абстрактная единичность произвола и мнения, следовательно, случайное, неспособное служить в себе и для себя прочной и правомерной основой. Несмотря на то что, согласно с представлениями так называемых теорий, сословия гражданского общества вообще и сословия в их политическом значении резко отличаются друг от друга, язык сохранил это соединение, которое, впрочем, существовало и раньше.

§ 308

К другой части сословного элемента относится подвижная сторона гражданского общества, которая внешне из-за множества членов, но по существу вследствие природы своего назначения и занятия может выступать лишь в лице депутатов. Поскольку они направляются гражданским обществом, непосредственно очевидно, что оно делает это в качестве того, что оно есть, следовательно, не как атомистически распавшееся на единичные лица и собравшееся на мгновение только для единичного временного акта без дальнейшей связи, а как расчлененное на уже раньше конституированные товарищества, общины и корпорации, которые таким образом получают политическую связь. В праве гражданского общества посылать таких созываемых княжеской властью депутатов, так же как и в праве первого сословия являться (§ 307), находит свою конституированную гарантию существование сословий и их собрания.

Примечание. Что все в отдельности должны лично участвовать в обсуждении и решении общих государственных дел, поскольку все они — члены государства и дела государства — это дела всех, и все имеют право оказывать влияние на их решение своим знанием и своей волей — представление, которое хотело бы ввести в государственный организм демократический элемент без всякой разумной формы, между тем как государственный организм таков лишь посредством этой формы; это представление лишь потому так притягательно, что оно останавливается на абстрактном определении, согласно которому каждый является членом государства, а поверхностное мышление держится абстракций. Разумное рассмотрение, сознание идеи конкретно и поэтому совпадает с подлинно практическим смыслом, который сам есть не что иное, как разумный смысл, смысл идеи; однако его не следует смешивать с чисто деловой рутинной и горизонтом ограниченной сферы. Конкретное государство есть расчлененное на его особенные круги целое; член государства есть член такого сословия; только в этом его объективном определении он может быть принят во внимание в государстве. Его всеобщее определение вообще содержит двойственный момент. Он есть частное лицо, а как мыслящее — также сознание и воление всеобщего. Однако это сознание и воление лишь тогда не пусты, а наполнены и действительно жизненны, когда они наполнены особенностью, а она есть особенное сословие и назначение, или, иначе говоря, индивид есть род, но имеет свою имманентную всеобщую действительность как ближайший род. Поэтому он достигает своего действительного и жизненного назначения для всеобщего прежде всего в своей сфере, в сфере корпорации, общины и т. д. (§ 251), причем для него остается открытой возможность вступить посредством своего умения в любую сферу, для которой он окажется пригодным,

в том числе и во всеобщее сословие. Другая предпосылка, заключающаяся в представлении, что все должны принимать участие в государственных делах, что все эти дела понимают, столь же нелепа, сколь часто ее, несмотря на это, приходится слышать. Но в общественном мнении (см. § 316) каждому открыта возможность высказывать и утверждать значимость и своего субъективного мнения о всеобщем.

§ 316

Формальная объективная свобода, заключающаяся в том, что единичные лица как таковые имеют и выражают свое собственное суждение, мнение и подают свои советы, касающиеся всеобщих дел, проявляется в той совместности, которая называется общественным мнением. В нем в себе и для себя всеобщее, субстанциальное и истинное связано со своей противоположностью, состоящей в для себя собственном и особенном мнении многих; это существование есть тем самым наличное противоречие самому себе, познание как явление, существенность столь же непосредственно как несущественность.

Прибавление. Общественное мнение есть неорганический способ познания того, чего народ хочет и мнит. То, что действительно утверждает свою значимость в государстве, должно, правда, осуществляться органически, и это происходит в государственном строе. Но общественное мнение было во все времена большой силой, и таково оно особенно в наше время, когда принцип субъективной свободы обрел такую важность и такое значение. То, что должно быть значимым теперь, значимо уже не посредством силы и в незначительной степени как следствие привычки и нравов, а преимущественно благодаря пониманию и доводам.

§ 317

Поэтому общественное мнение содержит в себе вечные субстанциальные принципы справедливости, подлинное содержание и результат всего государственного строя, законодательства и всеобщего состояния вообще в форме здравого смысла людей как той нравственной основы, которая проходит через все, что принимает форму предрассудка, а также истинных потребностей и правильных тенденций действительности. Вместе с тем, когда эти внутренние моменты вступают в сознание и становятся в общих положениях представлением, отчасти для себя, отчасти для конкретного рассуждения о событиях, постановлениях и обстоятельствах государства и об ощущаемых потребностях, выступает вся случайность мнения, его невежество и извращенность, ложность знания и суждения. Так как все дело здесь в сознании своеобразия воззрения и знания, то чем мнение хуже, тем оно своеобразнее, ибо дурное есть совершенно особенное и своеобразное по своему содержанию, разумное нее, напротив, в себе и для себя всеобщее: своеобразное есть то, что мнение возмнит о себе.

Примечание. Поэтому не следует считать различием субъективных воззрений, если в одном случае говорится *vox populi, vox dei*, а в другом (Ариосто):

Che'l volgare ignorante ogn'un riprenda
E parli piu di quel che meno intenda.

То и другое заключено в общественном мнении; поскольку в нем столь непосредственно соединены истина и бесконечное заблуждение, ни ту, ни другую формулировку нельзя принимать всерьез. Что действительно следует принимать всерьез, может показаться сложным, но действительно сложно это различение, если держаться непосредственного проявления общественного мнения. Но так как субстанциальным является его внутренняя сторона, то серьезно следует относиться только к ней; однако она не может быть познана из непосредственного проявления общественного мнения, а именно потому, что она есть субстанциальное — лишь из себя и для себя. Какая бы страсть ни вкладывалась в мнение и как бы серьезно ни утверждали что-либо или опровергали и оспаривали его, это еще не есть критерий того, что в самом деле важно; однако этому мнению никак нельзя было бы внушить, что в его серьезности нет ничего серьезного. Некогда один великий дух поставил на общественное обсуждение вопрос: дозволено ли обманывать народ? На это следовало бы ответить, что народ не дает себя обмануть относительно своей субстанциальной основы, сущности и определенного характера своего духа, но относительно способа знания им своего духа и суждения его об этом способе, о своих поступках, о событиях и т. д. народ сам себя обманывает.

Прибавление. Принцип современного мира требует, чтобы то, что каждый должен признавать, обнаруживало себя ему как правомерное. Однако, кроме того, каждый хочет еще сказать свое слово и дать совет. Если он исполнил свой долг, т. е. вставил свое слово, то после этого удовлетворения своей субъективности он мирится со многим. Во Франции свобода слова всегда казалась значительно менее опасной, чем безмолвие, ибо последнее заставляло опасаться, что то, что люди имеют против данного дела, они будут хранить про себя, тогда как рассуждение дает выход и удовлетворение, благодаря чему в остальном можно с большей легкостью следовать по прежнему пути.

§ 318

Поэтому общественное мнение заслуживает в одинаковой степени как уважения, так и презрения, презрения — из-за его конкретного сознания и внешнего выражения, уважения — из-за его существенной основы, которая, будучи более или менее замутненной, лишь светится в этом конкретном. Так как оно не обладает в себе ни масштабom различения, ни способностью поднять в себе субстанциальную основу до определенного знания, то независимость от него есть первое формальное условие совершения чего-либо великого и разумного (как в действительности, так и в науке). Можно быть уверенным, что впоследствии общественное мнение примирится с достигнутым и превратит его в один из своих предрассудков.

Прибавление. В общественном мнении содержится все ложное и истинное, но обнаружить в нем истинное — дело великого человека. Кто высказывает то, что хочет его время, говорит это ему и совершает это для него, — великий человек своего времени. Он совершает то, что составляет внутреннюю сущность времени, осуществляет его требования; тот же, кто не умеет презирать общественное мнение, каким его приходится то тут, то там выслушивать, никогда не совершит ничего великого.

§ 337

Субстанциальное благо государства есть его благо в качестве особенного государства в его определенном интересе и состоянии и в столь же свойственных ему внешних обстоятельствах наряду с особенными договорными отношениями; тем самым правительство есть особенная мудрость, а не всеобщее провидение (ср. § 324, прим.), равно как и цель в сношениях с другими государствами и принцип справедливости войн и договоров есть не всеобщая (филантропическая) мысль, а действительно нарушенное или подвергающееся угрозе благо в его определенной особенности.

Примечание. Одно время много говорилось о противоположности между моральностью и политикой и о том, чтобы политика соответствовала требованиям моральности. Здесь следует лишь вообще заметить, что благо государства имеет совершенно иное оправдание, чем благо отдельного лица, что нравственная субстанция, государство, имеет свое наличное бытие, т. е. свое право, непосредственно не в абстрактном, а в конкретном существовании и что лишь это конкретное существование, а не одна из многих считающихся моральными заповедями мыслей может служить принципом его деятельности и поведения. Воззрение о мнимом неправде, которое в этом противополжении якобы всегда свойственно политике, покоится преимущественно на поверхностности представлений о моральности, о природе государства и его отношения к моральной точке зрения.

§ 355

1. Восточное царство

Это первое царство есть исходящее из патриархального природного целого в себе неразделенное субстанциальное мировоззрение, в котором светское правительство есть теократия, властелин — также и верховный жрец или бог, государственный строй и законодательство — одновременно и религия, а религиозные и моральные заповеди или, скорее, обычаи — также государственные и правовые законы. В пышности этого целого индивидуальная личность бесправно исчезает, внешняя природа непосредственно божественна или есть украшение бога, а история действительности — поэзия. Отличия, появляющиеся соответственно различным сторонам нравов, правления и государства, вместо того чтобы принять форму законов, превращаются при наличии простых нравов в тяжеловесные, разветвленные, суеверные церемонии — в случайности, порождаемые личным насилием и произвольным господством, а расчленение на сословия — в природную неподвижность каст. Поэтому восточное государство живо лишь в своем движении, которое — поскольку в нем самом нет ничего устойчивого, а то, что прочно, окаменело — направлено во-вне и становится стихийным бушеванием и опустошением. Покой внутри государства есть частная жизнь и погружение в слабость и изнеможение.

Примечание. Момент еще субстанциальной, природной духовности в образовании государства, который в качестве формы составляет в истории каждого государства абсолютный исходный пункт, исторически показан и доказан с глубоким пониманием и ученостью на примере отдельных государств г. д-ром Штуром в его книге *Vom Untergange der Naturstaaten*. Berlin, 1812; благодаря этому труду расчищен путь для разумного рассмотрения истории государственного строя и исто-

рии вообще. В этой работе показан также принцип субъективности и самосознательной свободы, присущий германской нации; но так как это исследование доходит только до падения естественных государств, оно доведено лишь до той стадии, на которой этот принцип частью являет себя как беспокойное движение, человеческий произвол и гибель, частью в своем особом образе как задушевность и еще не достиг в своем развитии объективности самосознательной субстанциальности, органической законности.

§ 356

2. Греческое царство

Это царство имеет своей основой названное субстанциальное единство конечного и бесконечного, но основой, носящей характер таинственности, оттесненной в область смутных воспоминаний, в глубины и образы традиции; порожденная из различающего себя духа и достигшая индивидуальной духовности и яркого света знания, она обрела меру и ясность в красоте и радостной нравственности. В этом определении начало личной индивидуальности возникает еще не как заключенное в себя самого, а в своем идеальном единстве; поэтому целое частью распадается на круги особенных народных духов, частью же, с одной стороны, последнее изъятие воли принадлежит не субъективности для себя сущего самосознания, а силе, которая выше и вне его (ср. § 279, прим.); с другой стороны, присущая потребности особенность еще не принята в свободу и исключается из нее в виде условия рабов.

§357

3. Римское царство

В этом царстве различие доходит до бесконечного разрыва нравственной жизни на две крайности — на личное частное самосознание и на абстрактную всеобщность. Противоположение, исходящее из субстанциального воззрения аристократии, направленного против начала свободной личности в демократической форме, развивается на одной стороне в суеверие и утверждение холодного, своекорыстного насилия, на другой — в испорченность черни и разложение целого, завершается всеобщим бедствием и смертью нравственной жизни. В этом состоянии индивидуальности отдельных народов гибнут в единстве пантеона, все единичные лица падают до уровня частных лиц, равных по формальному праву, которых удерживает вместе только абстрактный, доходящий до чудовищных размеров произвол.

§ 358

4. Германское царство

Дойдя до этой утраты самого себя и своего мира и бесконечной скорби об этом — принять на себя эту скорбь было предназначено израильскому народу, — оттесненный внутрь себя дух постигает в крайности своей абсолютной отрицательности, во в себе и для себя сущем поворотном пункте бесконечную позитивность своей внутренней сущности, начало единства божественной и человеческой природы, примирение как явившую себя внутри самосознания и субъективности объ-

ективную истину и свободу, осуществить которую было предназначено северному началу германских народов.

§ 359

Внутренняя жизнь начала в качестве еще абстрактного, существующего в чувстве как вера, любовь и надежда примирения и разрешения всякой противоположности развертывает свое содержание, возводя его в действительность и самосознательную разумность, в исходящее из задушевности, верности и общности свободных людей светское царство. В этой своей субъективности оно есть также и царство для себя сущего грубого произвола и варварства нравов — ему противопоставит потусторонний мир, интеллектуальное царство, содержание которого, правда, есть названная истина его духа, но еще не проникнутая мыслью, облеченная в варварство представления и в качестве духовной силы возвышающаяся над действительной жизнью души, относящаяся к ней как несвободная, страшная сила.

§ 360

Так как в суровой борьбе этих двух царств, пребывающих в различии, которое получило здесь свое абсолютное противоположение, и вместе с тем коренящихся в единстве и идее, так как в этой борьбе духовное низвело в действительности и представлении существование своего неба до земной посясторонности и обыденной светскости — светское же царство, напротив, возвело свое абстрактное для-себя-бытие на высоту мысли и принципа разумного бытия и знания, на высоту разумности права и закона, то противоположность этих царств свелась в себе к незначительному образу; настоящее совлекло с себя свое варварство и свой неправовой произвол, а истина — свою потусторонность и свое случайное насилие, так что объективным стало истинное примирение, развертывающее государство в образ и действительность разума, где самосознание находит действительность своего субстанциального знания и воления в ее органическом развитии, подобно тому как в религии оно находит чувство и представление этой своей истины в качестве идеальной существенности, в науке же — в качестве свободного, постигнутого в понятии познания этой истины как одной и той же в ее восполняющих друг друга проявлениях — в государстве, в природе и в идеальном мире.